

Сюжет о смиренном праведнике: «Скоморох Памфалон» Н.С. Лескова в свете поучений святителя Игнатия Брянчанинова

Произведения Н.С. Лескова «Повесть о богоугодном древоколе» (1886) и «Скоморох Памфалон» (1887), в основу которых положены рассказы из Пролога, не раз уже привлекали внимание исследователей. В работах М.П. Чередниковой, О.А. Державиной, В.А. Туниманова, А.М. Ранчина рассмотрены фольклорные источники, переписка писателя в период создания произведений, изучен вопрос влияния цензурных требований на их трансформацию¹. И.Н. Минеевой дан подробный историко-литературный комментарий: «Переработанный средневековый сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886 г. На основе конспекта создается старинное сказание „Боголюбезный скоморох“. Толчком его написания послужила полемика писателя с читателями журнала „Дело“ и Л.Н. Толстым, автором художественных пересказов легендарных источников»².

Сочинения Игнатия Брянчанинова как один из источников, который мог повлиять на выбор и трактовку писателем сюжета «Повести о богоугодном древоколе» и «Скомороха Памфалона», пока не рассматривались. Однако именно в 1885–1887 гг. фигура святителя появляется в произведениях Н.С. Лескова, а идеи и стилистика его сочинений проникают в тексты как на уровне проблематики и разрешения конфликта, так и на уровне стилистики, метафорики и выбора отдельных номинаций. В 1886 г. было переиздано полное собрание сочинений И. Брянчанинова, и писатель принимал участие в его подготовке³. В 1885 г. святитель впервые как эпизодический персонаж появляется в рассказе «Таинственные предвестия». В 1887 г., вслед за публикацией «Скомороха», Н.С. Лесковым написан рассказ «Инженеры-бессеребряники», в котором он в художественной форме воссоздает некоторые эпизоды биографии Брянчанинова. Сюжетная канва и проблематика «Скомороха» и «Инженеров» во многом

перекликаются. Как и Ермий, Брянчанинов просит освободить его от службы, поскольку не верит в возможность праведной жизни в погрязшем во грехе мире. Однако он, в отличие от Ермия, лишен самолюбования и имеет на товарищей своих только положительное влияние. Одна из первых глав полностью посвящена обсуждению Брянчаниновым и его другом Чихачевым проблемы «не возгордись»: «Самое главное в нашем положении теперь то, — внушал он [Брянчанинов] Чихачеву, — чтобы сберечь себя от гордости...»⁴

Мысль о необходимости «беречь себя от гордости» становится основной в размышлениях Лескова в конце 1880-х гг. и проводится красной нитью в произведениях и письмах этого периода, не уходя из поля зрения писателя до конца жизни. Переписка Лескова позволяет понять, насколько важна для него была идея отвержения гордыни. В письме А.Н. Пешковой-Толиверовой от 5 декабря 1888 г. Лесков остро реагирует на слова о гордости в отзыве на напечатанное письмо П.В. Засодимского: «Зачем еще: „Я имею право гордиться?“ Это что за глупость? Какое это может быть „право гордиться“? Вот тебе и христианство, и гуманность, и Лев Толстой! <...> Бедный старик!» (11, 403). В письме И. Репину от 22 января 1889 г. Лесков приводит стихотворение Фофанова, обращенное к Л.Н. Толстому, и дает на него отзыв, опять комментируя одно только слово «горжусь» (из строки: «слежу за гением твоим, *горжусь* его полетом смелым»): «Стихотворение это прекрасно. Но в нем есть одно ужасное слово, которое не совсем идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском значении этого слова. Это слово „горжусь“... Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца, трону-

того горящим углем любви христианской» (11, 413) (курсив писателя. — *Н.Н.*).

Сюжет многих произведений Н.С. Лескова, написанных в 1886–1887 гг., — это сюжет о смиренном праведнике, абсолютно чуждом тщеславия и гордыни. В чистом виде он представлен в повестях «Богоугодный дровокол» и «Скоморох Памфалон» и различается лишь степенью детальной проработки: в «Повести о богоугодном дровоколе» сюжет предельно краток, а в «Скоморохе Памфалоне» развернут, кроме него в повести есть другие сюжетные линии. В обоих произведениях влиятельный известный и почитаемый человек противопоставлен истинному праведнику: столпник Ермий, в прошлом знатный и влиятельный государственный муж, должен понять, почему ему необходимо найти нищего скомороха и чему научиться у него, а в «Богоугодном дровоколе» молитва епископа оказывается неравной по силе молитве простого дровосека. Однако отличие праведных героев заключено не только в их социальном положении, но в их отношении к Богу и самим себе.

«Скоморох Памфалон» в первоначальном варианте был назван «Боголюбезный скоморох», но в 1886 г. «Повесть о богоугодном дровоколе», первоначально опубликованная в составе статьи о Л.Н. Толстом, в издании «Новости. Биржевая газета», впоследствии была запрещена цензурным комитетом, а печать «Скомороха» приостановлена⁵. Лесков, подчинившись требованиям цензуры, поменял имена главных действующих лиц в «Скоморохе», а также изменил название: вместо эпитета «боголюбезный» в новом варианте в заглавие вынесено имя главного героя — «Скоморох Памфалон», что дало необходимое нейтральное звучание, хотя сами слова «богоугодный» и «боголюбезный» в тексте остались. В них заключена характеристика героев, и вопрос лишь в том, почему именно эти герои являются угодными Богу. И отшельник Ермий, и епископ пытаются найти ответ на него в беседе с самими «боголюбезными» праведниками: нищим скоморохом и нищим дровоколом.

Праведники, от которых предстоит получить ответ, не сразу распознаются влиятельными лицами. Ермий думает: «...это невозможно, чтобы человек, для свидания с которым я был снят с моего камня и выведен из пустыни, был скоморох? Какие такие добродетели, достойные вечной жизни, можно

заимствовать у комедианта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадях и потешает гуляк в домах, где пьют вино и предаются беспутствам?» (8, 188). Аналогичная ситуация в рассказе о дровоколе, где народ и епископ никак не могут поверить, «чтобы еле двигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения Богу молитвы об общественном бедствии? Но никого другого, кроме этого старика, не показывалось, и выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к Богу моление...» (11, 105).

Каждый из них: и дровокол, и скоморох — совершенно убеждены, что они далеки от Бога и даже помышлять о нем за постоянными трудами им некогда: «Да так, я живу в суете, а когда нарочно соберусь спастись, то на меня нападает тоска и вместо хорошего еще хуже выходит...» (8, 202). Суждения о собственной грешности предваряют любые слова скомороха: «Кругом я грязен и скверен», «я большой грешник и бражник, но что хуже всего, — я обманщик» (8, 202). Похож и ответ дровокола епископу: «Я самый обыкновенный грешник и провожу жизнь мою в ежедневной житейской суете и хлопотах... даже думать о богоугодных делах мне некогда...» (11, 107). Напротив, и столпник Ермий, и епископ полагают, что ведут богоугодную жизнь. Однако молитва епископа о дожде не услышана, а возносящейся на небеса душе Ермия поставлен предел из слова «самоумнение», предел этот стерт одним движением души Памфалона. В слове «самоумнение», как в фокусе, собран весь смысл повести. Боголюбезность, заявленная в первоначальном варианте заглавия «Боголюбезного скомороха», таким образом, противопоставлена самоумнению. В двух сильных текстовых позициях «заглавие — финал» ключевые слова образуют антонимическую пару, которая постоянно повторяется в сочинениях Игнатия Брянчанинова, а сами понятия, именно в такой номинации и связке — «боголюбезность — самоумнение», неоднократно становятся предметом размышлений святителя.

Проблема смирения и гордыни традиционна для христианской литературы, и у каждого автора есть свои назидательные примеры и советы о преодолении греха гордыни и обретении добродетели смирения, излюбленные наименования и синонимы для обозна-

чения самих понятий, что становится наглядным, например, в сравнении стилистики Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова. У Тихона Задонского речь о грехе гордыни и противоположной ему добродетели смирения ведется с использованием слов «гордость», «высокоумие», «смирение», «кротость», «уничтожение»⁶. Он даже дает подробное, пронумерованное описание признаков гордости и смирения в сочинении «Плоть и дух», но в его творениях не встречается слово «самоумнение», крайне редко употребляются слова «боголюбезный», «богоугодный». В отличие от предшественников, писавших на эту традиционную христианскую тему, Игнатий Брянчанинов почти не использует слова «гордость», он предпочитает слово «самоумнение», а смирение чаще всего обозначается им словами «боголюбезность», «богоугодность», что можно назвать характерной чертой его индивидуального стиля⁷.

Ту же приверженность словам «самоумнение» и «боголюбезность» можно отметить и у Лескова⁸. Разрешение конфликта между самоумнением в лице Ермия и епископа и смирением в лице скомороха и дровокола производится назидательно-аллегорически, в точности иллюстрируя поучение Брянчанинова о «боголюбезной праведности» в «Аскетической проповеди»: «Такова боголюбезная праведность! Она производится в человеке осенившею его Божественной благодатью, и благоугождает Богу делами богопреданной правды. Богоугодный праведник не перестает признавать себя грешником не только по причине своих явных грехов, но и по причине своей естественной правды, находящейся в горестном падении... <...> Преподобный Пимен Великий говорил: *„Для меня приятнее человек согрешающий и кающийся, нежели негрешающий и некающийся: первый, признавая себя грешником, имеет мысль благою, а второй, признавая себя праведным, имеет мысль ложную“*»⁹ (курсив здесь и далее наш. — Н.Н.). Слова поучения почти дословно совпадают с речами лесковских персонажей. Исходя из рассуждения Брянчанинова, проводящие жизнь в заботах о куске хлеба скоморох и дровокол к Богу ближе, поскольку признают себя грешными: «я ведь сын греха» (8, 195), «я человек негодный» (8, 197) — постоянно говорит о себе скоморох. Также ведет себя и дровокол: «Я недостойн, отче, чтобы при тебе, в твоём присутствии, слова молитвы восходили из моих уст» (11,

196). Идея и стилистика полностью совпадают со словами из «Беседы о том, что для плодотворного покаяния необходимо отвержение самоумнения» Брянчанинова: *«Недостаточно избрать для жительства место, удобное к покаянию; недостаточно оставить имущество, сродников и друзей, отрешиться от близких и частых сношений с миром, недостаточна этого. Это — только вспомогательные средства к покаянию, это — деяния, долженствующие предшествовать покаянию. <...> Продав имение, т.е. оставив вещество и прервав связи с миром, надо сотворить плоды, достойные покаяния, чтобы покаяние было действенным, достигло своей цели. <...> ...Надо, чтобы дух наш сокрушился и смирился от боголюбезной печали, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; надо извергнуть из себя самоумнение, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас. При самоумнении покаяние невозможно. <...> Зараженный самоумнением не способен усвоиться Богу»*¹⁰.

Писатель словно буквально следует за текстом поучения, воплощая метафоры Брянчанинова в конкретные событийные элементы сюжета. В начале «Скомороха Памфалона» подробно описано, как Ермий раздал богатое имущество, нашел подходящее место: «Ермий пришел к отдаленному городу и совсем нежданно для себя нашел „некий столп“. Это была высокая каменная скала, и с расщелиной, и в середине расщелины было место, как только можно одному человеку установиться. „Вот, — подумал Ермий, — это мне готовое место“» (8, 177). На этом месте он простоит столпником тридцать лет. «Боголюбезный» скоморох искренне печалится оттого, что не смог отречься от своего ремесла, спасая попавшую в беду Магну и ее детей, и считает, что тем самым нарушил свой обет Богу: «...исправление жизни моей и с ней надежда на блаженную вечность навсегда разлетелись. Так я теперь и остаюсь скоморохом — я смехотвор, я — беспутник... я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничем уже не исправишь» (8, 229).

В 11-томном собрании сочинений в комментариях к «Скомороху Памфалону» сказано, что Лесков, указывая близким адресатам на житие Феодула из Пролога, скрывал источник повести от широкого читателя в силу противоречия, происходящего между источником и вольностью его трактовки писателем: «Повесть из Прологов кончил и ею до-

волен. Источника фабулы не указываю. <...> *Перечитал и изучил для нее немало*» (8, 584) (курсив наш. — Н.Н.). Вольная интерпретация Лескова очень близка по смыслу сюжету из «Жития Антония Великого», включенному в качестве самостоятельной притчи в «Отечник» Игнатием Брянчаниновым: «199. Однажды блаженный Антоний молился в келлии своей, — и был к нему глас: „Антоний! ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии“. Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: „Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню“. Кожевник отвечал: „Не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе; но этой причине, вставая рано с постели моей, прежде нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать“. Услышав это, блаженный Антоний отвечал: „Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими“»¹¹.

В притче в кратком виде представлена та самая идея, которая становится центральной в обеих лесковских повестях, а фабула в основных пунктах совпадает с фабулой «Скомороха»: 1) глас отшельнику о необходимости найти праведника — простого человека в большом городе; 2) просьба рассказать, чем же тот праведен; 3) недоумение праведника, считающего себя недостойным грешником; 4) ответ праведника на вопрос отшельника; 5) осознание отшельником превосходства найденного им праведника в деле спасения.

Так, скоморох Памфалон, подобно кожевнику из притчи, искренне недоумевает: «Эх, отец, отец! Если бы ты знал, как мне смешно тебя слушать. <...> О каком богоугождении я могу думать при такой жизни!» (8, 192). Его удивление претерпевает некоторую градацию: сперва он удивлен внешним видом отшельника и отсутствием у него кошницы и тыквы, затем ему кажутся смешными и странными его вопросы. Однако у Лескова

удивлен не только праведник: «В изумлении стояли друг перед другом два эти совсем несходные человека: один скоморох, скрывший свой натуральный вид лица красками, а другой — весь излинявший пустынный. На них смотрели длинномордая собака и разноперая птица. И все молчали. А Ермий пришел к Памфалону не для молчания, а для беседы, и для великой беседы» (8, 193). Сразу, начиная с внешнего вида, Ермий и Памфалон противопоставлены друг другу. Далее антитеза развита в изображении поведения героев: отшельник будет настойчив в требовании разговоров, не думая о нуждах скомороха, а скоморох, невзирая на иные хлопоты, будет смиренно заботиться о госте, омывая ему ноги, готовя ночлег.

Слова кожевника «не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе» перекликаются со словами скомороха «я верю, что сам из себя ничего хорошего сделать не сумею» (8, 193), а продолжение высказывания: «...а если создавший меня сам что-нибудь лучшее из меня со временем сделает, ну так это его дело. Он всех удивить может» (8, 193) — обозначает позицию автора, выходящую за пределы притчи. Сохранена удивленная реакция праведника на слова отшельника: «Какие научения могу дать я, дрянной скоморох, тебе, мужу, имевшему силу рассуждать о Боге и людях в святом безмолвии пустыни? Господь меня не лишил совсем святейшего дара своего — разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою, не оскорбляй же меня, старик, позволь мне омыть твои ноги и почивай на моей постели» (8, 195). Евангельские аллюзии здесь отнюдь не случайны. Далее скоморох, заботливо послужив гостю, идет в ночь по зову гетер. Наутро после настоятельных просьб Памфалон рассказывает Ермию свою историю. После рассказа Памфалона о спасении им Магны и ее детей Ермий понимает наконец, чем тот стал «богу любезен» (8, 201): «Вечность впусте не будет. <...> ...Перейдут в нее путем милосердия много тех, кого свет презирает и о которых я, гордый отшельник забыл, *залюбовавшись собою*» (8, 229). «Спасение невозможно без того, чтобы угодить Богу» (8, 192), — это слова самого Ермия; но как угодить Богу, ему открывает скоморох своим рассказом.

В «Отечнике» Брянчанинова после самой притчи следует комментарий святителя: «Глубина смирения есть вместе и высота

преуспеяния. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и гибели»¹². Эти строки буквально реализованы в сюжете лесковского «Скомороха». И.Н. Минеева в историко-литературном комментарии к «Скомороху Памфалону» отмечает, что «Лесков изображает смерть скомороха в духе типичного для христианской литературы описания возвращения человека по завершении им земной жизни в божественную сферу бытия — „на небо“. Ср. в Римском патерике (VI в.) изображение исхода души праведного епископа: „отец устремил <...> взгляд на этот блеск небесного света и увидел в огненном сиянии душу Германа... несомую ангелами на небо“ (Кн. 2. Гл. 35 „О всем мире, собранном пред глазами его, и о душе Германа, епископа города Капуи“). Комментируя следующие лесковские строки: «между ними вдруг стала преграда... это как бы частокол или решетка... какие-то знаки... во весь небосклон большими еврейскими литерами словно углем и сажой напачкано слово: „самомнение“», исследователь указывает на то, что такова «традиционная в народной и книжной эсхатологии „материализация“ человеческих грехов. Сюжетная параллель к данному фрагменту обнаруживается, в частности, в „Повести о видении Антония Галичанина“ (XVI в.): „И увидел перед собою грехи мои от юности моей... Всякий грех воображен, написан не книжными словами, как на иконах, и не красными писано, а дегтем, но прозрачно и разумно“»¹³.

Действительно, финал «Скомороха Памфалона» являет собой буквально воплощенную метафору «восхождения на небо», а перед «покушавшимся взойти без посредства смирения» Ермием встали преградой на пути ввысь огненные буквы, составившие слово «самомнение». Помимо несомненной ориентации на традицию «материализации человеческих грехов в народной и книжной эсхатологии», Лесков здесь словно вторит Брянчанинову: в качестве итогового финального слова звучит слово «самомнение», а не «гордыня», «гордость» или же другие синонимы. «Материализуется» ключевое слово. Именно так к традиционному добавляется авторское. Вполне возможно, что и само обращение к сходному сюжету в Прологе про-

изошло не без воздействия сочинений Брянчанинова. Трактовка сюжета не просто совпадает с рассуждениями святителя, а является буквальной реализацией его метафор, герои произносят близкие по содержанию речи, сами слова «боголюбезность» и «самомнение» становятся ключевой антитезой всего произведения.

В последних строках статьи «Лучший богомолец», в состав которой был включен рассказ о богоугодном дровосеке, Лесков отзывается о журнальной критике народных рассказов Л.Н. Толстого, повторяя слова о боголюбезности: «Напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет *боголюбезною*» (11, 114). Боголюбезность, понимаемая как предельная степень смирения, становится предметом настойчивых размышлений писателя в период 1886–1888 гг. Проблематика и сюжеты его произведений выстраиваются в едином русле размышлений о гордыне и смирении. В «Сказании о Федоре-христианине и Абраме-жидовине» (1886) показано, как почитание самого себя истинно праведным, а своей веры единственно правильною ведет к розни людей. Важность и естественность смирения, бескорыстного добра подчеркивается и в рассказе «Спасение погибавшего» (позднее название «Человек на часах») (1886). Писатель последовательно развивает в произведениях, основанных на разном материале, идею преодоления самолюбования посредством самоотверженного служения ближнему, предельно заостряя антитезу боголюбезности-смирения и самомнения-гордыни в «Скоморохе Памфалоне».

Внутренне близка и созвучна таланту Лескова мысль Брянчанинова о том, что литература должна предлагать человеку образцы добродетели, а не соблазнять его недостойными примерами. Жизненный опыт и сочинения самого святителя могли способствовать появлению в творчестве Лескова определенных тем, сюжетов и героев. Именно потому важно при анализе поздних произведений Лескова вовлечь в круг исследуемых проблем сочинения столь выдающегося религиозного деятеля, каковым являлся святитель И. Брянчанинов, и учесть их возможное воздействие на позднее лесковское творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чередникова М.П.* Об источниках легенды Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Русский фольклор. Т. XIII. Л., 1972; *Державина О.А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 150–152; *Туниманов В.А., Сухачев Н.П.* Развитие легенды у Лескова // Миф-фольклор-литература. Л., 1978. С. 114–136; *Ранчин А.М.* К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном древоколе» и «Скоморох Памфалон» // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. (Литературное наследство; т. 101).

² *Минеева И.Н.* Житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха» в русской литературе конца XIX в. (на материале творчества Н.С. Лескова) // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез. Белгород, 2007. С. 296–305. Выражаю искреннюю признательность И.Н. Минеевой за возможность ознакомиться с историко-литературным комментарием.

³ *Брянчанинов И.* Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1886. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saint-fathers.org/toma-s-3-po-8-svyatitel-ignatij-bryanchaninov-polnoe-sobranie-sochineniy-reprint-izdaniya-tipografii-tuzova-1886-goda.html>. Дата обращения 02.04.2013.

⁴ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 8. С. 236. Далее ссылки на это издание приведены в тексте с указанием тома и страниц.

⁵ *Ранчин А.М.* К творческой истории легенд Лескова... С. 377–378.

⁶ *Задонский Т.* Плоть и дух // Задонский Т. Собр. соч.: В 5 т. 2008. Т. 1. С. 786–787. [Электронный ресурс]. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=207. Дата обращения 28.05.2013.

⁷ *Брянчанинов И.* Аскетическая проповедь. Минск: Лучи Софии, 2002; *Он же.* Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. Полное собрание творений Игнатия Брянчанинова. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/otechnik/otechnik.pdf>. Дата обращения 27.05.2013.

⁸ К сожалению, пока предложенный виртуальной научной лабораторией «Н.С. Лесков» частотный словарь вообще не включает в состав слова «богоугодный» и «боголюбезный», лишь однократное «боголюбивый», а «самоумнение» отмечено десятью словоупотреблениями (см.: Частотный словарь // Виртуальная лаборатория «Николай Семенович Лесков». [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_dictionary&Itemid=22. Дата обращения 21.05.2013).

⁹ *Брянчанинов И.* Аскетическая проповедь. С. 22–23.

¹⁰ Там же. С. 370–371.

¹¹ *Брянчанинов И.* Отечник. С. 39–40.

¹² Там же. С. 40.

¹³ *Минеева И.Н.* Житие... С. 298.